

ДЖЕННИ БРАУН

ПОД СЧАСТЛИВОЙ
ЗВЕЗДОЙ

МИНИМАРМ

Дженни Браун
Под счастливой звездой
Серия «Астрология», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6647734
Под счастливой звездой: АСТ; М.: 2013
ISBN 978-5-17-078121-8

Аннотация

На улицах Лондона красивая девушка может выжить либо торгуя собой, либо обчищая карманы богатых господ. Темперанс Смит считается лучшей в своей опасной профессии.

Однажды юную карманницу поймал за руку капитан Майлз Тревельян, прибывший в Лондон из Индии. И случилось невозможное: Темперанс попыталась украсть у капитана кошелек, а украла сердце!

Отныне они связаны навеки – эту странную встречу предсказали сами звезды. Ведь только судьба может неожиданно решить, что дерзкая уличная девчонка и богатый аристократ созданы для страстной любви...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дженни Браун

Под счастливой звездой

Глава 1

Лондон

Ноябрь 1820 года

Капитан Майлз Тревельян с облегчением опустился в потертое кресло, предложенное хозяином. Еще никогда Трев не был так рад видеть своего товарища. Этого человека он знает большую часть своей взрослой жизни. Они офицеры одного кавалерийского полка. Но в течение долгого путешествия из Индии они превратились в друзей, а как раз сейчас он очень нуждается в друге. Ему опять начали сниться эти сны, и нет никого в радиусе двух тысяч миль, кто бы их понял.

– Ну, что стряслось, Трев? – Майор отложил газету.

Нет смысла ходить вокруг да около.

– Я пробыл в отпуске всего неделю, а уже хочу назад, домой.

– Это и есть дом.

– Знаю. В том-то и трудность.

Старший товарищ задумчиво глядел из-под кустистых бровей.

– Сколько лет ты пробыл в Индии? Десять?

Трев кивнул:

– Я вступил в армию в пятнадцать, сразу после смерти отца.

– Твой отец был прекрасным человеком. Мне повезло служить под его началом. Но это все объясняет. Первый отпуск всегда самый тяжелый. К Англии нужно привыкнуть. Местные обычаи... они порой несколько своеобразные даже для человека, который бывал при дворе низама. Но ты привыкнешь. Как только войдешь во вкус, нет места лучше Лондона. Ты богат, мой мальчик, и твоя родословная безупречна. Скоро ты будешь купаться в шампанском, наслаждаться обществом белокурых красавиц Мейфэра, рассказывать им о своих приключениях, а их мамы будут пытаться решить, которую из своих дочерей за тебя выдать.

Но такая перспектива вовсе не прельщала Трева. Именно назойливые попытки матери сосватать его и привели капитана Трева этим вечером к дверям товарища. Но, обратив внимание на потрепанный край ковра меблированных комнат, он вспомнил, что майор Стэнли в отличие от него не может рассчитывать на семейное состояние и, возможно, жаждет принять участие в ритуалах высшего света, которые у Трева вызывают такое неприятие.

Надеясь, что друг не счел его испорченным мальчишкой, Трев объяснил:

– Я позволил матери затащить меня на один такой раут. Но это же просто невыносимо! Легче было штурмовать дворец пешвы, чем выслушивать сюсюканье жеманных девиц: «Ах, расскажите мне все о сражении, в котором вы участвовали. Это так увлекательно!» Как будто я только что вернулся с прогулки по Сент-Джеймскому парку. Клянусь, когда-нибудь я расскажу им все. В том числе про убийства и мародерство – и буду до конца жизни изгнан из высшего света.

Его друг кивнул:

– Ну что они могут поделать, бедняжки, такова уж их природа. Не стоит даже пытаться просветить их.

– А как они одеваются! Декольте такие неприлично глубокие, что аж соски выглядывают, но Боже тебя сохрани отреагировать как нормальный мужчина. Одного этого уже достаточно, чтобы свести с ума.

– Да уж, все-таки в восточной традиции прятать женщину под чадрой или вуалью есть свой резон, – согласился друг. – По крайней мере люди низама, когда показывают тебе свой товар, ожидают, что ты его попробуешь. Но ты правильно сделал, что пришел к дядюшке Стэнли за помощью.

С этими словами майор взял графин с красным вином.

– Видишь ли, твоя беда в том, что ты недостаточно навеселе. И этому есть научное объяснение. Холод замедляет активность атомов тела, а эта чертова английская холодрыга тормозит молекулы твоего мозга, и они уже не способны как следует функционировать. К счастью, я знаю средство.

Он позвал своего слугу и велел ему принести лучшего кларета, добавив:

– Увы, мой «лучший» – просто лучшее из того, что может себе позволить офицер на половинном жалованье. Отвратительное пойло, но свое дело делает.

Трево отпил из наполненного до краев бокала, который принес ему денщик майора. Стэнли не соврал – вино действительно было так себе. Но, осушив бокал одним махом, Трево почувствовал, как тепло растекается по телу. Ему никогда не привыкнуть к промозглой английской погоде. Его организм, приученный к индийской жаре, не в состоянии приспособиться к холоду. После первого бокала настроение сразу улучшилось. Возможно, в теории приятеля что-то есть.

– Вино так приятно согревает молекулы мозга, – довольно заявил майор. – Но боюсь, молекулы твоего тела все еще холодны. Чтобы согреться полностью, мы должны, как ни парадоксально, снова выйти на холод.

– Зачем?

– Дабы совершить небольшое путешествие к тем прелестным созданиям, которые специализируются на согревании сердец и других органов промерзших английских мужчин. – Майор многозначительно приподнял бровь.

Трево сомневался в разумности этой идеи. Как бы ни были сильны его страсти, он избегал потворствовать им. Но майора так обрадовала перспектива совершить вылазку в компании Трево, что у того не хватило духу разочаровать приятеля.

– Что ж, я не прочь, – сказал Трево. – Но надеюсь, ты собрал сведения о территории, на которую нам предстоит вторгнуться.

– Не бойся, я все как следует разведал и определил лучшее место для нападения. Девчонки у мамыши Бриствик так разогреют атомы твоего тела, что тебе станет жарко, как в Калькутте в день перед началом сезона дождей. Ты почувствуешь себя новым человеком, клянусь честью. Ну, пропустим еще по стаканчику, перед тем как идти? В заведении мамыши Бриствик вино разбавляют водой, а мужчина должен все предусмотреть заранее.

Майор вел Трево по улицам, освещенным газовыми фонарями. Это была внешняя граница фешенебельной части Лондона. Хотя лампы, закрепленные на столбах, светили довольно ярко, они почти не рассеивали густой туман, пропитанный запахом речной сырости и горящего угля. На перекрестках из тумана внезапно возникали экипажи, и офицерам то и дело приходилось отскакивать в сторону, чтобы увернуться от брызг.

Когда друзья приблизились к бедному району, который, собственно, и был их целью, Трево взял майора под руку. Ну и зрелище они, должно быть, представляли. Два высоких офицера в киверах с плюмажем, венчающих головы, ослепительные в своей форме, отделанной золотыми галунами, и начищенных до блеска гусарских сапогах. Но был в них не только

показной блеск. В ножнах, висящих на боку, лежали остро заточенные сабли. Невозможно было не испытывать гордость от того, что они представляли собой английскую армию.

Улицы, по которым они проходили, были наводнены торговцами и коробейниками. Лавочники и разносчики зазывали прохожих, предлагая им все, что угодно, – носовые платки и мясо для кошек, поношенную одежду и пироги. Другие размахивали своими товарами, разложенными на ручных тележках и столах, стоящих рядами вдоль тротуаров. Ни один базар не мог бы предложить больше. И повсюду нищие, не меньше чем в Калькутте. Некоторые безучастно лежали, скрючившись у дверей, другие же, совсем отчаявшиеся, протягивали свои изувеченные конечности, прося о подаении.

– Один малый говорил мне, что у них есть свой клуб, – сказал майор.

– У кого?

– У нищих. Весьма привилегированный. Где-то в Севен-Дайалс. Собираются они там по ночам, снимают с себя маскировку, отстегивают фальшивые деревянные ноги и все такое и похваляются своим уловом. Неплохие деньжата зарабатывают попрошайничеством, говорил он мне.

Трев слышал об этом от богачей в Калькутте. Так легче не обращать внимания на страдания бедноты, толпящейся вокруг. Но это неправда. Худенький, сморщенный младенец, вцепившийся в грудь оборванной женщины, скрючившейся в сторонке, не бутафория. Когда его костлявая ручка конвульсивно сжалась на плоской груди матери, Трев подал ей несколько шиллингов. Она взяла их, но в ее пустых глазах не было признательности.

Та призрачная радость, которую Трев испытывал, когда они пустились в путь, испарилась. Ему всегда казалось, что Англия гораздо прекраснее Индии, где он провел столько лет. Люди здесь представлялись ему намного благороднее. Он думал, что они достойны жертв тех, кто отдает свои жизни, защищая их.

Он шарахнулся от крысы, пробежавшей по тротуару.

– Заведение мамы Би вон там, за углом, – сказал майор Стэнли, прерывая цепь его мрачных мыслей. – Хотя район беспокойнее, чем я помню. В таком месте мужчине не помещает иметь при себе острый клинок. И этот проклятый холод! В подобном климате поневоле будешь пить как сапожник, чтобы не окоченеть. – Он полез в глубокий карман, спрятанный за подкладкой форменной куртки, и вытащил оттуда серебряную фляжку. – Будешь?

Трев сделал глоток. Бренди. Его благодатное тепло моментально растеклось по жилам. Но во всем мире не хватит бренди, чтобы согреть его на этом промозглом острове. Холод снова пробирал до костей. Пока они приближались к любимому борделю майора, Трев начал думать, что, пожалуй, лучше было бы скоротать вечер в кресле перед ярко пылающим каминном в доме матери на Кеппел-стрит. Девчонки мамы Бривстик едва ли согреют его лучше, чем бренди.

Он не получал большого удовольствия, совкупляясь с рабынями. А таких случаев было у него предостаточно, когда сэр Чарлз посылал его с миссиями ко двору низама. И хотя у здешних девиц ладони не выкрашены хной, а тела не задрапированы в прозрачный муслин, надушенный пачули, окружающая бедность гарантирует, что каждая девушка из заведения мамы Бривстик будет такой же покорной рабыней, как любая гурия низама.

Трев еще раз глотнул из фляжки майора.

Впереди, на углу улицы они увидели мальчишку-подметальщика, который малопомалу материализовался из тумана. Он стоял, сгорбившись над своей выдавшей виды метлой. Он выглядел лет на восемь-девять, но был таким щупленьким и чахлым, что едва ли дотянет до двенадцати. Когда Трев и майор приблизились к нему, мальчишка выпрямился и сделал вид, что старательно подметает тротуар, вымощенный булыжниками, чтобы расчистить для них дорогу. Трев снова полез в карман за шиллингом, но остановился, когда из

темноты появилась высокая женщина, одетая во все черное. На голове у нее была большая соломенная шляпа того же цвета, украшенная алым пером. Поля шляпы нависали так низко, что он не мог разглядеть ее лица, чтобы определить возраст. Хотя грациозность движений позволяла предположить, что незнакомка молода. Она что-то прошептала мальчишке-подметальщику и протянула ему маленький узелок. Радостная улыбка осветила его худое личико. Она положила руки на его узкие плечики и нежно обняла. Затем мальчик направился к подвальной двери, аккуратно прислонил свою метлу к стене, сел на ступеньку, развязал узелок и начал есть.

Проглотив первый кусок, он сказал:

– Вот спасибо тебе, Темми, что принесла мне похавать. Я так хочу жрать, что аж кишки к спине прилипли.

– Ты же помог мне, теперь я помогаю тебе. Для этого и нужны друзья.

Увидев такую трогательную заботу, Трев почувствовал, как в животе у него разливается приятное тепло – впервые за вечер не благодаря алкоголю.

– Будешь? – Мальчишка протянул своей подруге что-то похожее на булку.

– Не откажусь. – Но она отломала лишь крошечный кусочек, возможно, чтобы не задеть его гордость и чтобы он не чувствовал себя попрошайкой.

– Ну ладно, – сказала она, – я пойду.

– А ты уже подготовила новую нору для себя и своей компашки? Я слышал, хате на днях того, кранты.

– Нет еще.

– Тогда, поди, будешь забашлять фраера, а, Тем?

Что это может означать? Вероятно, что-то незаконное, иначе мальчишке не пришлось бы переходить на воровской жаргон.

Девушка пожалала плечами:

– Если придется. Но ты всегда приносишь мне удачу, Дэнни, ты же знаешь.

– Ага, точно, и я этому рад радешенек. Если кто и заслуживает удачи, так это ты.

Она понижее надвинула свою черную шляпу, но Трев все же успел заметить брови в форме черной изломанной дуги, придающие ее миндалевидным глазам настороженное выражение. Незнакомка заспешила прочь быстрым, решительным шагом.

Какие дела у нее могут быть здесь, на темной улице? Неужели это одна из тех уличных шлюх, которые открыто занимаются своим ремеслом? Но ее платье и шаль кажутся слишком скромными для подобного занятия и выглядят похожими на траур. Правда, у некоторых мужчин странные вкусы. Возможно, есть и такие, которые находят ее траурное одеяние возбуждающим. Трев ускорил шаг, чтобы не отстать.

– Увидел что-то, что пришлось тебе по вкусу? – любопытствовал майор, ткнув Трева локтем в бок.

– Может быть.

– Лакомый кусочек, но на улице лучше поостеречься, мой мальчик. Лишняя осторожность не помешает. Помни, что говорят: «Одна ночь с Венерой, шесть дней с Меркурием».

– Я пробыл на службе десять лет, майор. Нет нужды читать мне лекцию по медицине. Кроме того, моя мать говорит, что мной управляет планета Марс, а не твоя Венера или Меркурий, ибо я родился под знаком Скорпиона. Я бы не выжил в том последнем сражении, если бы бог войны не сделал меня своим любимчиком, и я верю, что он защитит меня и на сей раз. Дай мне еще минутку, и потом мы отправимся к твоей драгоценной мамаше Бриствик.

– Что ж, будь по-твоему, – отозвался майор, ускоряя шаг, чтобы поспеть за Тревом. – Ее заведение чуть дальше по улице. Может, твоя чаровница направляется туда же, куда и мы.

Пульс Трева участился. Если бы только это было так. Он достаточно повидал на своем веку, чтобы понять, что женщина в черном не является ничьей собственностью, чем бы она

ни зарабатывала на жизнь на этих забытых Богом улицах. Если она работает у мамыши Бристик, он ее получит. Впервые с тех пор как они отправились на эту вылазку, он почувствовал возбуждение.

Через пару минут майор Стэнли указал на двери борделя. Но незнакомка прошла мимо и двинулась дальше, пока не поравнялась с небольшой кучкой людей. Трев подавил разочарование и ускорил шаг, чтобы не потерять ее из виду. Майор усмехнулся этой его поспешности, но благоразумно промолчал.

Пара бродяжек сомнительного вида подбрасывали в костер планки от поломанной бочки. Огонь осветил высокие скулы, дерзко вздернутый нос и удивительно ровные белые зубы незнакомки. Трев убедился: женщина в черном – красавица. Она остановилась, чтобы переброситься парой слов с маленькой девчушкой, которая грела руки у костра, а потом двинулась дальше, в толпу.

Когда она скрылась из виду, Трев огляделся по сторонам. Среди толпы на ящике стоял старый солдат. Лицо его было грубым и обветренным, волосы длинными и засаленными, а во рту не хватало половины зубов. Впрочем, зевак привлекала вовсе не его внешность, а резкий, пронзительный голос.

Это был исполнитель баллад, один из тех, кто зарабатывает пением на городских улицах. Однако правильнее было бы назвать этого человека крикуном баллад. Как и остальные уличные певцы, он выкрикивал примитивные зарифмованные фразы, сообщающие о последних новостях людям вроде этих – слишком бедным, чтобы позволить себе газеты, или просто неграмотным, чтобы прочесть их.

Треву стало интересно, о чем поет солдат, привлечший так много слушателей. Но он отложил свой визит в заведение мамыши Бристик не для того, чтобы узнать, что бедные считают новостями. Хотя женщина, чей добрый поступок поднял ему настроение, растворилась в толпе, он все еще видел красное перо на ее шляпе, покачивающееся над головами. Поэтому Трев стал прокладывать себе путь среди столпившихся работяг в надежде догнать ее и оказался достаточно близко от исполнителя баллад, чтобы разобрать слова.

К счастью, песня была не о последнем скандале, бывшем у всех на устах. Имеется в виду неудачная попытка короля убедить парламент в измене его жены и не допустить ее коронации. Если бы это было так, Треву бы ничего не оставалось, кроме как уйти. Он служит в Королевском ирландском драгунском полку, который славится своей преданностью короне. Баллада была о сражении – славном сражении.

Избитые фразы, которые выкрикивал уличный трубадур, восхваляли храбрых англичан и проклинали их трусливых врагов, словно оживляя звон мечей и грохот пушечной канонады. Так сражение всегда преподносится соотечественникам дома. Но трудно было сказать, какое именно сражение воспевал солдат. Это могло быть все, что угодно, – от Креси до Ватерлоо. Англичане – храбрецы, враги – трусы. Вот только ни в одной балладе не рассказывается о стогах умирающих и отвратительном запахе трупов, гниющих на солнце.

– Похоже, это тебя чествуют, – заметил майор Стэнли.

– Меня?

– Разве ты не слышал? Он воспекает ваше сражение, Трев. Выше голову, старина. Ты сегодня герой дня.

Трев прислушался. И в самом деле, уличный певец предлагал публике в качестве развлечения рассказ о том сражении в Пендарисе. Правда, в переложении исполнителя баллад храбрые воины маратха были превращены в бандитов, которые ничем не отличались от разбойников с большой дороги, наводнивших приграничье.

Певец с удовольствием задержался на числе погибших с обеих сторон. Толпа ободриительно заревела, услышав, как восемь сотен европейцев и их союзники из местных одолели

восемнадцатитысячную вражескую армию, имея всего лишь восемьдесят шесть убитых и раненых с английской стороны.

Да, славная победа. Но когда баллада подходила к концу, Трев внутренне напрягся. В отличие от толпы он знал, что будет дальше. Смерти тех, кто добавился к этой пустяковой цифре – восемьдесят шесть. Смерти жен местных союзников сипаев, невинных жертв, которые были изнасилованы и жестоко убиты отрядом вражеских налетчиков как раз тогда, когда армии сошлись в финальном сражении.

Он усилием воли отогнал воспоминание об окровавленных сари индийских женщин и об убитых младенцах. Это была необходимая жертва. Прикажи они перенести женский лагерь в какое-нибудь более безопасное место, это выдало бы их план сражения. Но все равно внутри у него все сжалось, а во рту стало кисло – наверняка от дешевого вина.

Почувствовав мысли товарища, майор схватил его за руку и попытался вытащить из толпы. Он знал, как все было на самом деле. Трев поведал ему подробности того сражения однажды ночью на борту корабля, когда, не в состоянии уснуть, сидел на палубе, наблюдая, как Южный Крест передвигается по небу.

Но Трев не собирался поддаваться слабости. Случилось то, что случилось, и теперь уже ничего нельзя изменить. Плохим бы он был командиром, если бы позволил себе раскидаться от воспоминаний. Война бывает славной только в стихах писак с Флит-стрит, чьи слова исполняет этот уличный певец. Каждый солдат знает, что реальность другая и что самый смелый поступок для солдата – продолжать жить после того, как сражение окончено, зная истинную цену победы.

Должен и он.

Трев стиснул зубы и на мгновение прикрыл глаза. Он пытался сосредоточиться на работах, которые напирали на него, заставляя вдыхать дурной запах. Он надеялся, что вонь лука и немых тел вернет его назад, в настоящее. Когда он наконец открыл глаза, то вздрогнул от неожиданности.

Женщина в черном смотрела прямо на него.

Ее глаза, искрившиеся добротой, когда она принесла мальчишке поесть, сейчас были холодными и полными презрения. От нежности в них не осталось и следа. Точно такой же упрек он видел во взглядах сипайских женщин, когда они приходили к нему в снах и укоряли за то, что он не сумел их защитить.

Ее взгляд просверливал насквозь, неумолимый и непрощающий. Она застигла его в минуту неприкрытого страдания, осудила и приговорила.

Когда же он отвел взгляд, она исчезла. И Трев тут же почувствовал себя покинутым.

Да что же с ним такое? Она никто. Незнакомка, которую он больше никогда не увидит. Это была всего лишь глупая прихоть, каприз, заставивший отправиться за ней вслед. Но все равно он стал оглядывать толпу, отыскивая ее кокетливое перо.

Трев схватил майора за руку:

– Пойдем отсюда.

Достаточно они потратили времени впустую, гонясь за какой-то недостижимой целью – знакомкой, одетой в черное, мельком увиденной в туманный вечер. Пусть даже на какой-то миг она показалась маяком во мраке. Он позволил своему воображению завести его слишком далеко. Что бы она ни сделала для мальчишки-подметальщика, для Трева она ничего не значит. Если ему и доведется еще увидеть ее, то, вероятно, она будет обслуживать на улице какого-нибудь проходимца за пару пенсов. К тому же, возможно, вблизи она пахнет так же, как эти мужчины. Она может оказаться угловатой и щербатой, тупой и недалекой, говорящей на грубом уличном жаргоне.

Пора идти в заведение мамыши Бриввик. Может, тамошние девицы и станут смотреть на него невыразительными глазами, но будут делать то, за что им заплачено и в чем он

явно нуждается. Желание творит забавные вещи с мужским разумом. Когда он утолит свою похоть, возможно, мир предстанет не в таком мрачном свете.

Но как только Трев повернулся, чтобы выбраться из толпы, к нему подошла та самая маленькая девчушка, гревшаяся у костра. В одной руке она держала листы бумаги, в другой у нее был плакат с изображением конницы и словами той самой баллады, которую только что исполнял певец.

– Сколько? – спросил он.

– Всего два пенса.

Он полез в карман. Плакат понравится его матери, ведь ее представление о воинской доблести очень похоже на то, о чем пелось в балладе. Девочка протянула ему плакат и снова растворилась в толпе.

Пока он провожал ее глазами, кто-то врезался в него сбоку. Много лет посещая восточные базары, он прекрасно знал, что это означает. Старый как мир трюк – врезаться и схватить – используют шайки карманников от Лендс-Энда до Калькутты. Один отвлекает внимание жертвы, заставляя показать, где лежат деньги, а другой пользуется моментом и грабит зазевавшегося простофилю.

Резко повернувшись, чтобы расстроить преступный замысел, Трев оцепенел, когда понял, кто задумал его ограбить: это была женщина в черном.

До нее дошло, что он ее видел, и она замерла на месте. Одна рука девушки скрывалась в складках длинной черной юбки. Потом она закрыла лицо шалью, развернулась и кинулась в толпу.

– Держите воровку! – завопил мужчина, стоявший рядом с Тревом, и ринулся вслед за ней. Другие подхватили его крик.

Трев сунул руку в карман. Монеты исчезли, все до единой. Это было как удар под дых. Ну почему это оказалась именно она?

И почему ему не все равно? Он принял ее за уличную шлюху. Почему же его удивляет, что она карманная воровка? В суровой уличной иерархии ее ремесло, возможно, ступенька вверх.

С напускной небрежностью он проверил остальные карманы, стараясь не выдать другим преступникам, возможно, находящимся в толпе, где он держит ценности. К счастью, ловкие пальчики карманницы больше ничего не нашли. Но хотя потери были пустяковыми, ему стало не по себе оттого, что ей удалось обчистить его. Человек его профессии не должен терять бдительность. Без этого он долго бы не протянул.

Женщина в черном думала спрятаться в толпе, но мужчины, образующие внешний круг, встали плечом к плечу и соединили свои жилистые руки, преграждая путь. Мимо них ей никак не проскочить.

Трев привстал на цыпочки, чтобы посмотреть, что там происходит, но ее найти не удалось. Потом послышался крик с другой стороны. Толпа расступилась, и взорам предстал дородный детина в кожаном фартуке сапожника. Он крепко держал девушку за запястья и тащил к Треву.

– Воруешь у честных людей, а, мисси? Черта лысого, у меня не забалуешь. В Ньюгейте тебе самое место, туда ты и отправишься, вот только сначала я получу свою награду.

Длинное перо закачалось, когда девушка стала вырываться из лап сапожника, потом его мясистый кулак сбил с нее шляпу. Та упала на грязную мостовую, и Трев увидел, что у незнакомки были волосы цвета старой бронзы. Даже в полумракехватило дух от ее красоты.

– Я ничего не сделала, – запротестовала она.

– Ничего, ага, только обворовываешь честных людей, которые зарабатывают свои денежки тяжким трудом.

– Не докажете!

– Еще как докажу! – Мужчина запустил руку в глубокий карман ее черной юбки и вытащил горсть чего-то блестящего. Но когда он поднес кулак к лицу и разжал его, выражение торжества сменилось недовольством. В руке у него было всего несколько шиллингов.

– Это мое, и вы не докажете, что это не так, – заявила она.

– Ишь, хитрая маленькая сучка, – выкрикнул кто-то рядом с сапожником. – Черта с два найдешь у нее денежки. Поди, шибко ушлая, чтоб стибрить часы аль еще чего, за что ее можно было бы повязать.

– Это только один карман, – сказал сапожник. – У этой потаскухи их в платье, поди, с дюжину. Я найду у нее часы, не извольте сомневаться. А как найду, отведу ее к мировому судье и потребую награду.

Девчонка извивалась, дергалась и царапалась, силясь вырваться. Такая свирепость говорила отнюдь не в пользу ее невиновности. Но когда ее глаза снова встретились с глазами Трева, он застыл на месте. Взгляд, подобный этому, он видел только однажды, в бою. Но это был мужчина, с которым они обменивались удар за ударом в схватке, способной закончиться лишь смертью.

Она не сдастся, хотя понимает, что не может одержать победу. Она бесподобна, эта воительница, храбрая, как Боадицея. Еще никогда не видел он женщины настолько смелой и сильной духом. И даже не представлял, что такие существуют.

Но одной лишь храбрости было недостаточно – сапожник легко усмирил ее и связал ей запястья.

Майор Стэнли потянул Трева за рукав:

– Пойдем. Дело пахнет жареным. Нам лучше убраться отсюда.

– Я не могу бросить девушку на растерзание толпе. Они же разорвут ее на части.

– Она карманница, Трев. Получит по заслугам, только и всего.

– Возможно, но я не могу оставить ее на съедение волкам. – Едва эти слова сорвались у него с языка, он сам себе удивился. Ведь он же солдат, поклявшийся защищать государство и поддерживать закон. Ему следовало бы отдать мошенницу в руки правосудия. Но он не мог. Ее добрый поступок по отношению к мальчишке-подметальщику так резко выделялся на фоне окружающего равнодушия, а глаза на один мучительный миг вернули к жизни призраки сипайских женщин. Они тоже были храбрыми, но никто не пришел им на выручку.

И все равно дурак он будет, если вмешается. Она, в конце концов, преступница. Но когда сапожник резко дернул за веревку, которой связал руки девушки и сильно ударил ее по лицу, Трев схватился за эфес сабли и ринулся через толпу.

– Отдай ее мне, – приказал он тоном, который доводил до слез не одного подчиненного на плацу. – Она украла у меня деньги, и я сам накажу ее.

Приглушенное проклятие, прозвучавшее рядом, подсказало ему, что несмотря ни на что майор пошел следом и сейчас стоял подле него. Поддержка друга вселила в Трева уверенность.

Сапожник напрягся. Это был крупный мужчина, явно привыкший добиваться своего. Но Трев выше и тренированнее, да и майор не слабак. Когда Стэнли взялся за свою саблю, бахвальства у сапожника несколько поубавилось. Трев видел, как тот прикинул свои шансы в драке и решил, что они невелики. Но все равно нельзя было рассчитывать на разумное поведение башмачника. Некоторые задиры просто любят драться, и если сапожник привлечет на свою сторону толпу, беды не миновать. Чтобы разрядить обстановку, лучше использовать дипломатию, а не силу.

Нарочито неторопливо и демонстративно Трев убрал свою длинную изогнутую саблю в ножны и спросил у сапожника:

– Какое вознаграждение ты хочешь получить за нее?

Тот прорычал:

– Фунтов десять, поди. А если она уже сидела в кутузке, то и больше.

– Ты заслуживаешь хорошей награды за то, что поймал ее. – Трев сунул руку в портупею и вытащил несколько бумажек. – Вот тебе двадцать. Отдай ее мне и возьми это за труды. Я сам позабочусь о ее наказании.

Сапожник недоверчиво посмотрел на Трева:

– Но откуда мне знать, что правосудие свершится?

– Ты ставишь под сомнение честь офицера королевских драгун?

Угроза, прозвучавшая в его тоне, вынудила сапожника отступить, а когда майор Стэнли шагнул к нему, держа руку на сабле, мужчина, стоящий рядом с башмачником, вмешался:

– Пойдем, Том. Кое-что лучше, чем ничего. Девчонка может оказаться чистой, и ты не получишь от мирового судьи ни гроша. Говорю тебе, бери деньги и черт с ней.

Сапожник ненадолго задумался. Потом взял протянутые деньги, спрятал их в карман, схватив девушку за веревку, которой связал ей руки, и подтащил ее к Треву.

– Она ваша, капитан. Сплавил эту потаскушку, и слава Богу. Боюсь, вы обнаружите, что слишком много за нее отвалили.

Какой-то дородный детина в форме привратника выкрикнул:

– А как насчет того шиллинга, что она выудила у меня, а?

– Ничего я у тебя не выуживала, – огрызнулась девушка. – Если бы я и воровала, то не у таких, как ты, а у богатеев. Они крадут у бедных куда больше. Но ты когда-нибудь видал, чтобы их за это вздергивали на виселице?

– Что верно, то верно, – проворчал привратник. – Богачи сосут из нас кровушку будь здоров. А кто платит за их роскошества, как не рабочий люд?

Настроение толпы снова изменилось, и несколько человек прокричали лозунг радикалов: «Свободу всем!»

– Нужно уходить отсюда, – отрывисто бросил Трев девушке, – пока они не накинулись на нас обоих.

Он схватил ее за связанные руки и потащил прочь из толпы. Девушка сначала заупрямилась, уперлась каблуками в землю, однако, когда гул вокруг стал громче, образумилась и уступила. Но пока он вел ее, шла, задрал голову и расправив плечи.

Когда они выбрались из толпы, она посмотрела на мостовую, и Трев проследил за ее взглядом. Увидев, что привлекло ее внимание, он сделал знак майору Стэнли поддержать девушку, а сам нырнул назад в толпу зевая, чтобы подобрать с тротуара поношенную шляпу из черной соломки, которая валялась под ногами.

– Твоя? – спросил он, отдавая ей шляпу.

Она настороженно кивнула, словно не желая показывать чувства, которые можно было бы расценить как признательность. Но все равно он видел, что этот поступок удивил ее. Прежде чем вернуть шляпу, Трев внимательно оглядел ее и вытер рукавом, смахнув пыль. Потом попытался распрямить помятое перо, осторожно водрузил шляпу на голову девушки, отступил назад и полюбовался делом рук своих.

Она поджала губы, словно собиралась отплатить за его заботу плевком в лицо, но в последний момент передумала. Трев взял ее за связанные руки и повел из толпы, увлекая в сторону главной улицы. Когда они дошли до пустого тротуара, майор спросил:

– Что ты будешь с ней делать?

– Разрази меня гром, если я знаю. Но ты лучше иди к мамаше Бриствик без меня.

Он взглянул на девушку. Лицо ее было непроницаемым. Много бы он отдал, чтобы узнать, о чем она думала в эту минуту.

– Что ж, ты нашел, чем согреть свои телесные молекулы, – усмехнулся майор. – Ей-богу, она красотка, Трев. Не могу сказать, что не завидую тебе. Хотя теперь, когда она знает, где ты держишь деньги, тебе лучше присматривать за своим бумажником.

Глава 2

Ублюдок. Проклятый вонючий ублюдок, этот драгун. Безумием было пытаться ограбить его. Но она не смогла остановиться, когда увидела, как он стоит там, весь такой гордый, с ухмылкой разглядывая ее и толпу, даже не пытаясь скрыть презрения. Отвращение, которое она увидела у него на лице, когда он слушал балладу старого Барроу, стало для нее последней каплей. Как он смеет выражать такое пренебрежение к ней и этим людям!

Ей захотелось не только украсть его монеты. Захотелось стереть эту презрительную мину с его физиономии, разорвать эту синюю форму и измазать коротко стриженные волосы грязью, чтобы он стал таким же ободраным и чумазым, как те люди, которых он так презирает.

Кто он такой, чтобы так заноситься? Он же драгун – орудие алчных богатеев, безжалостный убийца, как те, что разгоняли протестующих в Питерлоо, топтали и давили женщин и детей, без сомнения, с такими же оскорбительными ухмылками.

Драгун. Как тот, который убил Рэндалла.

Знакомая боль пронзила ей сердце. Так бывало всегда, когда она вспоминала свою погибшую любовь. Но не стоило давать волю гневу. Рэндалл предупреждал, что в сердце карманника, когда он занимается своим ремеслом, не должно быть места страсти. Он был прав, Рэндалл, научивший ее всему, что она знает о воровстве.

Но она пренебрегла его советом и поддалась минутному порыву. Ей еще повезло, иначе она была бы уже на пути к плавучей тюрьме. Этот проклятый офицер, может, и спас ее от страшной участи и не дал сгнить в одном из тюремных трюмов, но благодарности он от нее не дождет. Точно такой же драгун убил Рэндалла – убил и сбросил его тело в Темзу.

Но этот не причинит ей вреда, если она поведет себя с умом. Пускай все в нем буквально излучает надменность, даже накидка, развевающаяся на ветру, она не позволит себе раздражаться из-за этого. Пусть он думает, что нашел себе развлечение на вечер. Скоро она преподаст ему урок, этому надменному ублюдку. Если он думает, что получил на нее все права, то очень скоро поймет свою ошибку.

Ей не впервой оказаться в зависимости от мужчины, который думает, что если он сильнее, это дает ему преимущество над ней. Да только они не догадываются о силе ее ума и сообразительности. И из этой передряги она тоже выберется. Ей нужно просто забыть о Рэндалле, приглушить свой гнев и прояснить мысли. Она должна изучить этого мужчину, который железной хваткой держит ее запястья, обворожить его и найти его слабости. У всех мужчин они есть – обычно либо алчность, либо похоть. А этот, при всей его заносчивости, ничем не отличается от остальных. Когда она поймет, что ему нужно, то тут же воспользуется этим, чтобы отвоевать себе свободу.

Она опустила плечи и ссутулилась. Пусть думает, что она сдалась, так он быстрее ослабит бдительность, станет упиваться своей властью и, если повезет, размякнет. Но ей следует быть очень осторожной. Ей не понравилось, что он пообещал сапожнику сам наказать ее.

Пока капитан широко шагая вел ее к темной аллее, он время от времени бросал на нее внимательный, изучающий взгляд. У него были глубоко посаженные глаза, умные и чересчур наблюдательные, и прямые брови, словно рассекающие лоб. Да, он не дурак, хоть и офицер, а жаль. С глупыми мужчинами куда легче справиться. И пока она семенила, стараясь поспевать за его широким шагом, ей стало ясно, что этот мужчина не щеголь, нацепивший мундир, только чтобы порисоваться.

Под плотно облегающими кожаными бриджами были хорошо видны крепкие мышцы. Очевидно, он занимается не только тем, что режется в бальных залах. А этот шрам над верхней губой, который немного портит его красивое лицо. Где он его получил?

Возможно, на дуэли в парке из-за какого-нибудь пустякового оскорбления. Лондонские драгуны – кучка бездельников, которые только и знают, что резаться в карты да драться друг с другом. Только вряд ли это тот случай. Такой шрам вполне мог быть получен в сражении. Было что-то в этом человеке, что отличало его от тех, которых она видела раньше.

Когда он наконец остановился, она спросила:

– Где ты воевал, солдат? – Мужчины любят поговорить о себе и похвастаться своей доблестью. Пора начинать обрабатывать его, если она хочет благополучно выбраться из этой передраги.

Он вскинул брови, словно удивился, узнав, что она умеет говорить.

– В Пуне, – ответил он.

– Эта та самая Пуна, в Индии, где произошло сражение, о котором пел старик Барроу?

Он кивнул.

– Давно ты вернулся?

– Неделю назад.

Она почувствовала невероятное облегчение. По крайней мере он не был в Питерлоо. И не служил в отряде, который охотился за Рэндаллом после провала заговора на Кейто-стрит.

– Много повидал сражений?

– Более чем достаточно. – Он сказал это тоном, который пресекал дальнейший разговор. Ей не удастся заставить этого мужчину расслабиться, восхваляя его, поэтому она сменила тему.

– Индия! Удивительная страна, говорят. Как бы мне хотелось увидеть ее. Пещеры, полные сокровищ, острые ароматные специи и прекрасные женщины, запертые в гаремах... прямо как в «Тысяче и одной ночи».

– Ты читала «Тысячу и одну ночь»? – В его голосе послышалось удивление. Он что же, думал, что все бедные – тупые невежды?

– Я читала эту книгу, как и многие другие. – Пусть-ка переварит услышанное.

– Ты не кокни, не так ли? – спросил он. – У тебя мидлендский¹ акцент. Давно ты в Лондоне?

– Давненько. – Прошло три года с тех пор, как она сбежала из дому с Рэндаллом, сразу после своего пятнадцатилетия. Но это не его дело.

– Идем сюда, – сказал он, жестом указав на узкий переулок. – Не исключено, что в толпе есть еще те, кто захочет навредить тебе. Здесь будет безопаснее.

Она ни на минуту не поверила, что он привел ее сюда, чтобы защитить, но поскольку руки у нее были связаны, ей ничего не оставалось делать, как идти за ним. Когда они углубились в темноту переулка, он остановился и повернулся к ней.

– Зачем ты украла у меня деньги? – спросил он. – Я знаю, что украла, поэтому не ври. Просто скажи правду. – Решительная линия его подбородка с глубокой ямочкой подсказывала, что лгать бесполезно.

Она лихорадочно пыталась подыскать нужные слова, потом наконец сказала:

– От меня зависят люди. Я не могу их подвести.

– Им надо, чтобы ты раздобыла для них денег?

– Да. Два фунта к завтрашнему утру. Ту ночлежку, в которой мы спали, сносят, чтобы выстроить какой-то новый особняк для богачей.

– А если ты не найдешь эти два фунта? Что тогда?

– Клэри придется зарабатывать проституцией. А ей всего четырнадцать.

– И тебе тоже? – В его голосе прозвучал неподдельный интерес.

– Мне восемнадцать.

¹ Центральные графства Англии.